

З. У. Махмудова

ДАГЕСТАН НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ: ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ Е.М. ШИЛЛИНГА

Евгений Михайлович Шиллинг — один из крупнейших этнографов-кавказоведов XX столетия. Его личность, научное наследие и сегодня вызывают живой интерес. Труды Е.М. Шиллинга, без всякого сомнения, являются образцом творческих, высокопрофессиональных, скрупулезных исследований истории и культуры народов Кавказа¹. Сформулированные в них проблемы и выдвинутые Шиллингом научные идеи послужили мощным импульсом для изысканий нескольких поколений ученых. Безвременная кончина Е.М. Шиллинга не дала свершиться многим его замыслам. Малоизвестные его работы — статьи, заметки, экспедиционные отчеты, аннотации к собранным музейным коллекциям, фотографиям и зарисовкам хранятся в архивах Москвы, Санкт-Петербурга и пока еще ждут своего исследователя [Смирнова 1989: 18–19].

Выпускник Московского университета, Евгений Михайлович был человеком незаурядных способностей и широкой эрудиции. Однако если его научная деятельность более или менее хорошо известна, то литературные произведения широкому кругу читателей до сих пор знакомы относительно мало. А между тем Е.М. Шиллинг известен еще и как талантливый поэт «серебряного века», активный участник литературно-художественного объединения 1920-х годов «Маковец». Название объединения, как и название одноименного журнала, издававшегося обществом в 1921–1922 гг., происходит от наименования легендарного холма Маковец, на котором Сергей Радонежский основал Троице-Сергиеву лавру. Участники объединения декларировали приверженность традициям классицизма и высокой духовности искусства. Немногие из дошедших до нас произведений Е.М. Шиллинга (стихи, проза) пронизаны православной эстетикой. Это не случайно. Е.М. Шиллинг был глубоко верующим человеком, но об этом, правда, знали только близкие ему люди: 1930-е годы, как известно, были временем усиления давления на религию в СССР. Тогда только за ношение креста у человека могли возникнуть

¹ О нем см.: [Никольская 1954; Страницы кавказоведения 1992: 164; Анчабадзе 1993: 7–19].

крупные неприятности (например, увольнение с работы, а то и что-нибудь похуже). Наступило время, когда крестное знамение совершалось тайно, а иногда только мысленно, а посещение храмов являло собой истинный подвиг [Верещагин]. Ученица Е.М. Шиллинга, профессор МГУ Клавдия Ивановна Козлова рассказывает, что в доме Евгения Михайловича всегда были иконы, но для того чтобы случайно зашедший в квартиру посторонний человек не смог их увидеть, хозяин разместил их на внутренней стороне двери своего кабинета, которая всегда была распахнута.

На вопрос о том, когда и под влиянием каких обстоятельств у исследователя возник интерес к Кавказу, сегодня сложно ответить. Дело в том, что Е.М. Шиллинг окончил историко-филологический факультет МГУ и изначально специализировался в области изучения русской литературы и фольклора. Этнографическую работу начал в 1916 г., когда по заданию Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете предпринял экспедицию в Вологодскую губернию. Однако еще в студенческие годы (летом 1914 г.) он совершил путешествие в Европу — посетил Германию, Швейцарию и Северную Италию [Личное дело Шиллинга].

По замечанию внучки Евгения Михайловича Елены Шиллинг, эта поездка произвела на него неизгладимое впечатление. Тяга к изучению Италии оказалась особенно сильной. Однако в советское время в Италию он по понятным причинам выезжать не мог, и только на Кавказе, вдали от столицы чувствовал себя совершенно свободным человеком. Фотографии и кадры кинохроники, снятые в Дагестанской экспедиции 1946 г., запечатлели Евгения Михайловича, лихо сидящего верхом на коне. В седле он держался как истинный джигит — изящно и уверенно. В горах всегда передвигался верхом.

Может быть, сама природа Кавказа, его яркие, остроумные, открытые, темпераментные и гостеприимные жители чем-то напоминали Е.М. Шиллингу Италию. Кроме того, общность некоторых элементов материальной культуры, отмеченная им у народов Дагестана и Средиземноморья, вероятно, служила дополнительным источником вдохновения для его научных изысканий.

Как бы то ни было, но именно Кавказ стал для Шиллинга тем краем, куда он стремился, который по-настоящему любил и где чувствовал душевный комфорт и творческий подъем.

Евгений Михайлович начал работу на кафедре этнографии исторического факультета МГУ с момента ее основания в 1939 г. и в должности доцента проработал фактически до конца жизни (был уволен по собственному желанию в 1952 г.).

Надо сказать, что Е.М. Шиллинг ко времени прихода в МГУ уже имел большой опыт экспедиционной, музейной и преподавательской работы. Нет смысла перечислять все научные организации, с которыми он сотрудничал. Отметим только, что он по праву считается одним из основателей Музея народов СССР (1923–1948), где работал старшим научным сотрудником в отделе Кавказа. Он внес значительный вклад в формирование фондов музея, совершив более 20 экспедиционных выездов на Кавказ (Чечня, Ингушетия, Кабарда, Карачаево-Черкесия, Абхазия, Дагестан) [Шиллинг 1926; 1927]. С конца 1920-х годов в музее начались увольнения, затем аресты [Ипполитова 2001: 152]. По словам внучки Евгения Михайловича Елены, Е.М. Шиллинг был

арестован, как и многие другие сотрудники музея. Ему посчастливилось выжить, и по возвращении домой он сказал супруге, что хотел бы принять сан и стать священником. И только страх перед той участью, которая, безусловно, постигла бы его семью, остановил его на этом пути². Сейчас даже в семейном архиве нет литературных произведений Е.М. Шиллинга, датированных 1930–1940-ми годами. Судя по всему, он больше не писал, полностью сосредоточившись на научной работе — этнографических исследованиях народов Кавказа. Литературный талант Е.М. Шиллинга, конечно, не мог не проявиться в научных публикациях. Его работы отличает легкость слога в сочетании с некоторой сдержанностью и стремлением писать «по существу». Внимательный читатель, без сомнения, оценит изящество и образность, присущие стилю Е.М. Шиллинга, свободное, лишённое штампов и клише и вместе с тем вполне академичное изложение материала.

В годы Великой Отечественной войны Е.М. Шиллинг находился в эвакуации в Башкирии и преподавал в средней школе. 22 марта 1946 г. указом Президиума Верховного Совета СССР он был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В 1944 г. в Московском университете Е.М. Шиллинг защитил кандидатскую диссертацию на тему «Кубачинцы и их культура (этнографические этюды)», которая затем легла в основу одноименной монографии.

Таким образом, Шиллинг привнес в работу кафедры этнографии исторического факультета МГУ свой значительный опыт и множество оригинальных идей, связанных прежде всего с изучением материальной и духовной культуры народов Кавказа.

Весьма показательна в этом смысле характеристика, данная Е.М. Шиллингу профессором С.П. Толстовым, первым заведующим кафедрой этнографии исторического факультета МГУ. Этот документ содержит высокую оценку его научной и педагогической работы:

Евгений Михайлович Шиллинг, и.о. доцента кафедры этнографии исторического факультета МГУ, является одним из выдающихся советских специалистов-этнографов. Е.М. Шиллинг специально занимается этнографией народов Кавказа начиная с 1916 года и ведет систематическое изучение отдельных этнических групп, в особенности Северного Кавказа (Дагестана и др.), а также Грузии (горно-грузинские племена). В настоящее время Е.М. Шиллинг является крупнейшим специалистом-кавказоведом. Ему принадлежит ряд научных работ по материальной культуре, быту, верованиям народов Дагестана, Ингушетии и других областей Кавказа, работ, лишь частично до сих пор изданных. Некоторые из этих работ представляют выдающийся научный интерес, ставя совершенно новые вопросы кавказской этнографии и освещая неизвестные донныне явления быта и культуры народов Кавказа (напр., пережитки мужских союзов в Дагестане, культ женского божества у ингушей, остатки домусульманских верований). Е.М. Шиллинг в течение ряда лет ведет систематическую экспедиционную полевую работу в отдельных республиках и областях Кавказа. Им собраны и обработаны ценные этнографические коллекции, хранящиеся

² Из выступления Елены Шиллинг на Ломоносовских чтениях 16 ноября 2011 г. (МГУ, исторический факультет).

ныне в Музее народов СССР. Значительная часть этих экспедиций проводилась Е.М. Шиллингом с участием студентов-этнографов, которые проходили свою этнографическую практику под его научным руководством. Е. М. Шиллинг зарекомендовал себя, как один из лучших педагогов-руководителей студенческой практики и семинаров [Личное дело Е.М. Шиллинга: 17].

Первая Дагестанская экспедиция была организована кафедрой этнографии исторического факультета МГУ летом 1940 г. Одиннадцать студентов и ассистент кафедры Б.А. Васильев работали под руководством Е.М. Шиллинга в селении Кубачи. Начало Великой Отечественной войны не позволило реализовать последующие экспедиционные замыслы. Как только появилась возможность, Е.М. Шиллинг возобновил полевую исследовательскую работу.

Уже в 1944 г. в Дагестан отправилась экспедиция, организованная совместно историческим факультетом МГУ и Институтом этнографии АН СССР. В работе экспедиции также самое деятельное участие принял Совнарком ДАССР.

Экспедиция ставила перед собой три основные задачи: а) монографическое изучение с точки зрения этнографии одного из аварских нагорных районов; б) изучение художественной культуры дагестанских горцев; в) установление связи с местными работниками.

Для выполнения первой задачи был избран Хунзахский район как база и дополнительно некоторые пункты смежных с ним районов — Гунибского (селения Чох, Согратль) и Кахибского (селения исторического общества Гидатль) [Шиллинг 1946: 118].

По мнению Е.М. Шиллинга, этнография народов Дагестана вообще и крупнейшего из них, аварцев, в частности, в то время являлась «чистым местом, на котором надобно строить вновь, начиная с возведения фундамента, т.е. с первоначального накопления материалов» [Шиллинг 1945в: 9].

В ходе работы экспедиции каждый студент получал свое задание по сбору этнографического материала (во избежание дублирования тематики), которое впоследствии должно было стать основой для дипломного сочинения. По воспоминаниям участницы экспедиций Г.А. Сергеевой, Е.М. Шиллинг был человеком немногословным и умел в двух-трех фразах объяснить суть своих требований, а они были очень серьезными. Кроме сбора собственного полевого материала студент должен был выявить и досконально изучить все имеющуюся по теме литературу, только в этом случае он мог рассчитывать на положительную оценку³. Шиллинг также обращал внимание молодых сотрудников экспедиции на то, что необходимо с уважением относиться к обычаям и традициям народов, среди которых они работают, беседуя с людьми старшего поколения, стараться внимательно слушать и не перебивать их, соблюдать правила этикета и т.д. Г.А. Сергеева рассказывала и о том, что местные жители очень тепло встречали участников экспедиции, стремились помочь им во всем,

³ Некоторые из дипломных сочинений учеников Е.М. Шиллинга (например, работы Г.А. Сергеевой «Свадебные обряды аварцев» 1947 г., А.Ф. Федотовой «Хунзах и его историческое прошлое по народным преданиям» 1945 г., Г.П. Садиловой «Современные поселения и жилища лезгин горных районов» 1949 г. и др.) хранятся в Архиве кафедры этнологии исторического факультета МГУ.

охотно отвечали на многочисленные вопросы, предоставляли переводчиков. Этому в немалой степени способствовало умение Евгения Михайловича грамотно организовать полевую исследовательскую работу и его непререкаемый личный авторитет — местные жители уважительно называли его «профессор Шиллинг».

Рис. 1. Шиллинг в экспедиции в Дагестане

По словам Г.А. Сергеевой, Шиллинг мог провести целый день в беседах со стариками и, не отвлекаясь даже на еду, часами слушать и записывать их рассказы (несколько остро заточенных карандашей и бумагу он неизменно носил с собой).

Необходимо отметить, — писал Е.М. Шиллинг, — что во всех этих районах среди наших информантов были старики и старухи в возрасте свыше 100 лет. За немногими исключениями все они бодрые, здоровые и даже трудоспособные люди. Долголетие здесь, как обнаружилось, явление весьма частое. По моим наблюдениям, горная Авария в этом отношении оставляет далеко позади даже прославленную страну долголетних — Абхазию. Мы не раз беседовали с людьми, лично выдавшими Шамиля. В Чохе старик 106 лет бьет из ружья без промаха птицу на лету. 115-летняя Зада Эльдаровна в Хунзахе утомила нас своими рассказами о третьем имаме, с которым неоднократно встречалась. 100-летний старик в Сиухе познакомил членов экспедиции со своей невестой, женщиной 40 лет [Шиллинг 1946: 118].

Отмеченное Е.М. Шиллингом долголетие в аварских районах (наряду с другими факторами) поддерживало непрерывность традиций в ремесленном деле. Так, в работе серебряных дел мастеров аула Глях, по словам исследователя, «чувствуется старая традиция». Мастер Гамзат Абакаров (61 год) получил свое мастерство по наследству от отца, умершего в 1900 г. в возрасте 124 лет и перенявшего дело от деда. Такая же «дедовская преемственность» наблюдается и в других гидатлинских аулах (Хотоде, Тидибе) [Шиллинг 1944: 29]. Все мастера в Гоцатле учились делу у своих отцов и дедов.

Один из участников экспедиции Г.Я. Мовчан вспоминал:

По вечерам, иногда и по ночам, в клубах махорочного дыма, когда молодые члены экспедиции уже спали рядами на полу, собирались знающие старики, шел colloquium sapientibus, а Е.М. Шиллинг с большим мастерством и увлечением вел диспут, часто с перекрестным опросом спорящих и несогласных. Я не видел вообще человека, который с такой страстью и рвением вел бы деловую беседу. О прошлом далекого, чужого народа он расспрашивал с такой настойчивостью, как если бы разговор шел о близких и дорогих ему людях. Конечно, этим он расшевеливал недоверчивых стариков, они увлекались и часто вступали друг с другом в перепалку. Записывались легенды и сведения об истории аула, отдельных построек. Рассказы стариков были исключительно достоверными. В традициях бесписьменного прошлого и изустной передачи истории люди сохранили удивительно натренированную память и не допускали в рассказах ни отсебятины, ни лжи [Мовчан 2001: 17].

Дагестанские ремесла в тот период были недостаточно изучены и даже недостаточно выявлены. Е.М. Шиллинг писал:

Говоря о дагестанских художественных ремеслах, обычно указывают для Дагестана три более или менее известных имени — Кубачи, Унцукуль, Балхар, присоединяя к ним еще лезгино-табасаранский ковровый очаг, тоже достаточно известный. Почти во всех случаях, когда нужно показать в орнаменте художественный стиль национального искусства этой много-

национальной республики (то ли в оформлении зданий, выставок, плакатов и даже построек, то ли в ознаменовании годовщин, праздников и исторических дат), художники, сознательно или бессознательно, прибегают к пышному кубачинскому искусству, которое таким образом становится как бы общедагестанским. Это и так, и не так. Так в том смысле, что мастерство Кубачей чрезвычайно богато само по себе, популярно среди горцев Восточного Кавказа, понятно и родственно им (как видная ветка ближневосточного искусства, к общему древу коего относится большей частью и изобразительные мотивы, бытующие у других народов Дагестана) и в порядке, так сказать, географического разделения труда имеет право представлять в части орнамента от Дагестана в целом. Не так в том отношении, что искусство Дагестана это не только Кубачи <...> Оно неизмеримо шире, многообразнее, многограннее [Шиллинг 1944б: 1–2].

Дело будущих исследователей сделать доступной «творческую сокровищницу страны гор».

Кроме того, для Е.М. Шиллинга было очевидно, что часть традиционной культуры, промыслов, ремесел находится на грани исчезновения.

Казикумух (как говорят в Дагестане — «второй Париж») — большое горное селение, исторический центр области обитания крупного горского дагестанского народа — лаков или лакцев. Здесь исстари существовало значительное гнездо златокузнечества, по своему удельному весу занимавшее в Дагестане второе после Кубачей место.

Оно распалось на наших глазах. <...> Процесс распада казикумухского промысла, разумеется, назревал намного раньше и лишь ускорился и завершился особыми условиями военного времени. Основные причины этого процесса — недостаток руководства, отсутствие сырья, ненадежность специальных заказов, дефекты организационного порядка и тяжелое материальное положение, вследствие чего мастерам гораздо выгоднее оказалось разойтись по городам (где были обеспечены хорошие заработки и более легкие бытовые условия) и пристроится в индивидуальном порядке кто как смог.

Призрак казикумухского рассеяния веет, повторяю, над Кубачами. В последние годы из аула, по неполным данным, выехало от 60 до 80 лучших мастеров, не считая людей средней квалификации. Достаточно пройти по кубачинским улицам, чтобы ясно почувствовать картину начавшегося запустения <...> Мастера уехали из Кубачей за последние 3–4 года, не будучи в состоянии сводить концы с концами, не обеспеченные нужным заработком, абсолютно лишенные какого бы то ни было снабжения, обреченные на голодное существование и не чувствующие правильного и внимательного руководства. На чужбине они устроились гораздо лучше <...>

Очень оригинальный и довольно крупный центр художественного медночеканного производства с гравировкой экспедиция обнаружила в аварском ауле Гоцатль Хузахского района. В литературе о нем материалов нет. Медночеканная отрасль имеет в Дагестане широкое распространение, но довольно редко она сопровождается орнаментацией. В Гоцатле же она как раз является носителем богатой художественной традиции. В самом Гоцатле сейчас работает 7 мастеров. Было больше, часть ушла на войну [Шиллинг 1944б: 2–3, 31].

Будучи человеком деятельным и неравнодушным, Евгений Михайлович не мог безучастно наблюдать за тем, как гибнет народное искусство. Он считал необходимым сохранить и укрепить традиционные ремесленные очаги. «Имеются все основания поддержать казикумухских серебряков и попытаться возродить это ныне рассеянное производство», — писал исследователь [Шиллинг 1944б: 7]. Архивные материалы свидетельствуют о том, что он, собрав сведения почти о всех знаменитых дагестанских мастерах, старался сформулировать конкретные предложения, позволяющие, как ему казалось, спасти древнее ремесло. Это составление учебного плана для школы по художественной обработке металла с трехгодичным сроком обучения, проекты организации артелей и музея в с. Кубачи, вопросы изыскания способов и средств для привлечения к работе хотя бы части разъехавшихся мастеров, решение такой важной в горах Дагестана транспортной проблемы и многое другое.

В этот период четко обозначилась еще одна тенденция, связанная с развитием народного искусства, — отход от традиции в сторону упрощения и создания относительно недорогих изделий, рассчитанных на широкий сбыт. Новации (или, по выражению Шиллинга, «модерн») быстрее всего, конечно, проникали в те отрасли традиционного ремесла, которые были ориентированы на внешний рынок (т.е. предполагались к продаже за пределами данной местности). Исследователь понимал, что это неизбежный процесс. «Колесо истории не остановишь», — говорил он. Вместе с тем Е.М. Шиллинг считал необходимым стимулировать активность талантливых мастеров, «внедрять в сознание художников и в сознание окружающей среды представления, что на ценные и тонкие работы имеется социальный спрос». Главным средством для достижения этой цели он считал государственные заказы. При этом он особо подчеркивал, что в оформлении индивидуальных заказов и в дальнейшем наблюдении за их исполнением «не следует излишне навязывать мастерам каких-нибудь тенденций, дабы не нарушать подлинности искусства (выделено мною. — З.М.)». Под «тенденциями» Е.М. Шиллинг понимал возможность привнесения «сверху» некоего нового, отвечавшего советским идеологическим постулатам комплекса образов, символов, сюжетов и идей. Евгений Михайлович полагал, что развитие художественного творчества — процесс естественный. В него и так, без особого принуждения, будут тем или иным образом включены реалии жизни. Он писал: «Я сам наблюдал в ряде мест Дагестана, как современные мастера без нажима со стороны, по своему почину вносили в композицию те или иные мотивы советской тематики, нашей современности. Это почти всегда получалось хорошо и непосредственно» [Шиллинг 1944а: 6–7].

Большое внимание было уделено изучению построек. Основные объекты — это дома-дворцы Чоха, сакли Хунзахского плато, башни и старинные дома Гидатля. Г.Я. Мовчан весьма ярко и эмоционально описывает впечатление, которое произвело внутреннее убранство аварского дома на участников экспедиции:

Три несравненной величины почти одинаковых столба с могучими кронами, почти касаясь друг друга, стоят в каком-то непобедимом строю, как три стража богатыря родового очага. Взглянув на Е.М. Шиллинга, я увидел, что у него в глазах были слезы, как у Саула перед Давидом. А он был опытейшим кавказоведом, проводившим в полевых изысканиях — не в кабинете, не один десяток лет, и тонким ценителем искусства. Архитектура дома приводит в трепет, перед зрителями воочию встает вечная обитель, в которой

продолжают жить духи предков, а он попал в нее случайно. Архитектура как бы вовсе не предполагает зрителей, она на них не ориентирована. Столбы как гигантские великаны живут сами. Совершенно уверен, что все обитатели дома не чувствовали себя в нем хозяевами [Мовчан 2001: 150].

Экспедиция 1945 г. развернула работы, разбившись на несколько отрядов: а) Хунзахская группа (Хунзах и пять аулов Хунзахского плато); б) Гидатлинско-Кахибская группа (шесть основных аулов Гидатля и аулы Кахиб, Гоор, Колоб); в) Тляротинская группа (Тлярота, Тилютль, Укал, Кутлаб, Тлядал, Бежита, Чодоколоб, Кособ — аулы Тляротинского р-на); г) Гунибско-Чародинская группа (селения Чох и Ругуджа Гунибского р-на; селения Дусрахского, Тлесерухского (?) ущелий Чародинского р-на) [Шиллинг 1945б: 2].

Е.М. Шиллинг полагал, что изучение культуры народов Дагестана должно вестись планомерно и последовательно. Поэтому он стремился охватить исследованиями все районы Дагестана. Так, в отчете об экспедиции 1945 г. он писал:

Как ни старался я в текущем году закончить хотя бы в общих чертах обследование аварцев, этого сделать не представилось возможным <...> Таким образом, для завершения изучения аварцев необходимо будет в 1946 году посетить крайний западный угол их расселения (Ботлихский, Ахвахский, Цумадинский районы), а равным образом побывать в аварских селениях Северного Азербайджана. Лишь после того в будущем же году можно будет приступить к изучению следующего народа Дагестана, — возможно, табасаранцев, закрепив, однако, за аварцами на порядочный срок индивидуальные выезды в тот или иной пункт отдельных сотрудников для доработки и углубления [Шиллинг 1945в: 11].

Исследования в Дагестане велись комплексным методом. Весь промежуток времени между выездом 1944 и 1945 гг. участники дагестанской экспедиции изучали в Московском университете аварский язык под руководством проф. Л.И. Жиркова, для того чтобы самостоятельно записывать терминологию и более свободно разбираться в показаниях информантов.

В рамках этой экспедиции квалифицированными специалистами проводились антропологические обследования [Акимова, Булатова 1947: 21–26], архитектурный обмер осуществлял Г.Я. Мовчан [Мовчан 1948], работал арабист М.С. Саидов.

Функция «иллюстративно-художественной фиксации» была возложена на учениц московской средней художественной школы Екатерину Шиллинг (в замужестве Григорьева) и Таисию Скородумову. Эти талантливые девочки (в 1945 г. им обоим было по 17 лет) впоследствии окончили Московский государственный художественный институт им. В.И. Сурикова и стали известными художницами. Е.М. Шиллинг, вероятно, полагал, что с помощью фотографирования (учитывая возможности техники, которая была в его распоряжении) вряд ли удастся зафиксировать во всех деталях уникальные элементы и детали в искусстве и материальной культуре. Поэтому-то он и привлек к работе свою дочь Екатерину и ее подругу Таисию. Рисунки сделаны с натуры. Тонкая карандашная и акварельная работа была выполнена подчас на обрывках бумажных листов (не будем забывать, что речь идет о 40-х годах прошлого столетия), но это только усиливает ощущение «подлинности». Благодаря их работе мы

Рис. 2. Екатерина Шиллинг в экспедиции

располагаем ценным источником для изучения материальной культуры аварцев — более 200 рисунков, снабженных подробными комментариями, хранятся в различных архивах Москвы.

Зарисовки Е. Шиллинг и Т. Скородумовой запечатлели традиционный костюм аварцев, еще сохранявшийся в быту. Особое внимание было уделено украшениям.

Серебро, — отмечал Е.М. Шиллинг, — местной выделки, украшения к женскому национальному убранству имеют широкое и повсеместное распространение. Их в изобилии я встречал в Гунибском, Чародинском, Кахибском и Тляротинском районах. Значительно меньше традиции украшения костюма серебром сохранилась в Хунзахе, жители которого со снисходительной улыбкой говорят о модах и обычаях, все еще не брошенных их соседями. <...>

В Гунибском районе пальму первенства по серебру следует, бесспорно, отдать аулу Ругуджа, являвшемуся в прошлом одним из сильнейших селений вольного общества Андалал. Несмотря на то что тут драгоценные и массивные навески, нагрудники, браслеты и перстни лежат большей частью без употребления в сундуках, они все же входят и теперь в состав приданого. На свадьбах носятся далеко не в полном составе. <...>

Самый характер этих украшений, манера увешивать себе серебро чуть ли не с головы до ног и обрядовая значимость (главным образом в свадебном цикле) такого убора — все это факты, таящие большую архаику [Шиллинг 1945а: 20].

Рис. 3. Маргал (авар. «жемчуг»). Элемент свадебного головного убора.
Рис. Т. Скородумовой или Е. Шиллинг. ВМДПИНИ

Е.М. Шиллинг не раз подчеркивал, что основной принцип рассмотрения и анализа того или иного явления, элемента культуры — это принцип историзма. Он стремился (насколько это возможно) уловить изменения в традиционной культуре, показать «текучесть» многих ее элементов, которые часто считались устоявшимися и «исконными». Это относится и к материальной, и к духовной сфере.

Важное замечание сделали З.А. Никольская и Е.М. Шиллинг относительно аварского женского костюма: «На протяжении XIX—XX вв. этот костюм неоднократно подвергался и подвергается поныне дальнейшим изменениям, непосредственно связанным с изменениями условий жизни аварского народа» [Никольская, Шиллинг 1953: 27].

Экспедиция собрала богатый и разнообразный материал по домашним и кустарным промыслам. Впервые были выявлены некоторые производственные очаги — ковроткачество в селении Тлярота, изготовление оловянных поясов в Кахибе [Шиллинг 1947] и др.

В Гидатле был обнаружен рукописный кодекс адатов. Его удалось полностью перевести. Вероятно, речь идет о Гидатлинских адатах, которые публиковались дважды — первый раз в 1957 г. [Гидатлинские адаты 1957] второй — в 2009 г. [Гидатлинские адаты 2009]. В примечании к первому изданию сказано, что кодекс обнаружен Х.-М. Хашаевым в архиве Дагестанского института истории, языка и литературы, но кем и когда он был туда доставлен, установить не удалось.

Была также собрана и музейная коллекция (большей частью по резной деревянной утвари), предназначенная для Музея антропологии и этнографии

Рис. 4. Аул Багдаб. Рис. Т. Скородумовой. Архив ИЭА РАН

в Ленинграде. Детальное изучение этих предметов началось только в начале XXI в., т.е. спустя почти 50 лет после экспедиции (см.: [Бобровников, Дмитриев, Карпов 2006]).

Маршрут экспедиции 1946 г. был спланирован таким образом, что северный отряд отправился в Аварию, а южный — в районы расселения народов лезгинской группы (лезгины, рутульцы и цахуры) [Панек 1948].

В итоге экспедиция собрала уникальные материалы — 100 этнографических зарисовок по материальной культуре, 20 эстампажей, 600 фотографий, а также музейную коллекцию по резному дереву и амулетам и кинофильм — «Производство бурок в селении Анди». Этот фильм (небольшой, всего около 10 минут) несомненно, представляет интерес для специалистов. Технология войлочного производства описана во многих работах, однако это тот самый случай, когда лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать или прочитать. Нельзя не отметить также, что речь в данном случае идет о полуголодных военных 40-х годах прошлого века, тем не менее этнографы во главе с Е.М. Шиллингом использовали максимально все имеющиеся у них в распоряжении технические возможности, для того чтобы зафиксировать «последний отблеск» уходящей в прошлое эпохи.

Без всякого сомнения, Е.М. Шиллинг обладал прекрасным эстетическим, художественным вкусом и страстью к музейной собирательской работе.

Однажды в Махачкале, — писал Евгений Михайлович, — проходя двором одного из домов Комсомольской улицы, я случайно обратил внимание на человека в бешмете и бараньей шапке, который, видимо, ожидая здесь кого-то, сидел на гряде недавно привезенного теса и, наклонившись, от нечего делать чертил карандашом. Тесовая доска, на которой он сидел, во всю ширину оказалась испещренной вокруг него причудливыми завитками сложного орнамента. При первом же беглом взгляде я признал в этих переплетающихся спиралях, густо одетых изящными листиками, почками и цветами, знаменитый кубачинский «мархарай».

Я не ошибся. Человек был из с. Кубачи. Он дождался кунака, которого не застал дома, и без определенной цели задумчиво водил карандашом по доске. *К сожалению, захватить с собой этот оригинальный документ кубачинского искусства было невозможно* (курсив мой. — З.М.) [Шиллинг 1949а: 101].

Известно, что ни в советское время, ни в современной России скромное музейное финансирование зачастую просто не позволяло приобретать дорогостоящие, редкие, ценные с научной точки зрения предметы материальной культуры. Весьма красноречиво об этом свидетельствуют, например, следующие слова Е.М. Шиллинга:

Есть еще одна сторона специфика этнографических экспедиций, относящаяся даже не к программе максимум, а скорее к программе минимум, для нормального урегулирования которой я пока не нахожу никаких путей. Разумею вопрос о приобретении музейных коллекций. Как известно, в Москве сейчас нет развернутого этнографического музея. Приходится ограничиваться малыми случайными дотациями. Так, в данном случае я получил небольшие закупочные суммы от Института этнографии, Ин-

ститута художественной промышленности и Исторического музея. Такое положение ведет к мизерности приобретений, их фрагментарности, дроблению собранных коллекций и тематическим дефектам. *С болью в сердце* (курсив мой. — З.М.) я отказался от покупки потрясающего комплекта серебра старинной ругуджинской женской одежды, блюда с армянской надписью в Чохе, от транспортировки удивительной резной мебели, встречавшейся в Гунибском и Чародинком районах, орнаментированных каменных блоках и других, часто уникальных предметов. Данный вопрос должен быть разрешен [Шиллинг 1945в: 10–11].

Тем не менее специалисты хорошо знают, что, работая с дагестанскими этнографическими коллекциями музеев нашей страны, любой исследователь неизбежно встретит предметы, привезенные в далекие 1930–1940-е годы Е.М. Шиллингом.

По материалам экспедиции Е.М. Шиллинг подготовил ряд статей, посвященных быту и культуре андо-цезских народов, а также кубачинцев и кайтагцев для тома «Народы Кавказа» из серии «Народы мира», издававшейся Институтом этнографии АН СССР. Однако опубликованы эти статьи не были. В историографии тех лет, отмечает Ю.Д. Анчабадзе, распространилась (не без сильного административного нажима) точка зрения о якобы активно идущих в Дагестане процессах консолидации наций и народностей, которые прежде всего охватили малые народы, сливающиеся с соседствующими крупными этносами. Андо-цезскую группу малых народов объявили слившейся с аварцами, кубачинцев и кайтагцев — с даргинцами. Исследования, которые не соответствовали официальной концепции, разумеется, не могли быть опубликованными. Эти статьи Шиллинга были извлечены из архива и увидели свет только в 1993 г. [Шиллинг 1993: 21].

Следует, вероятно, сказать о и том, что политический контекст (на первый взгляд) практически отсутствует в работах Е.М. Шиллинга. Тем не менее мы понимаем, что 1944 г. — это период депортаций, в частности чеченцев, населявших районы, непосредственно примыкавшие к Аварии. Конечно, внутри страны об открытом осуждении депортации народов по указанию Сталина не могло быть и речи. Реакция внешнего мира также оказалась слабой. Этот акт не осуждался союзниками СССР, ибо сохранение антигитлеровской коалиции было куда более важной целью, чем споры о судьбе тех или иных народов (тем более, что в самих США в 1942 г. было осуществлено жесткое интернирование этнических японцев). Позитивное в целом отношение к СССР преобладало в общественном мнении стран западной демократии. Более того, еще в марте 1943 г. на обложке популярнейшего американского журнала «LIFE» был размещен почти «парадный» портрет И.В. Сталина, а вовсе не карикатурная зарисовка «красного диктатора», как бывало ранее. Военно-политическое сотрудничество внутри коалиции развивалось, близилось решение главной общей задачи — достижение полного разгрома Германии и ее союзников. Таким образом, депортация народов с Кавказа не являлась, да и вряд ли могла стать тогда острой политической проблемой в отношениях Советского Союза со странами Запада. Что мог сказать и сделать в этих условиях человек, прекрасно понимавший сложившуюся ситуацию и суть происходящего?

Возьмем на себя смелость предположить, что Е.М. Шиллинг, хотя явно не ставил перед собой каких-то особых *политических* целей, все же сознательно

хотел показать Дагестан прежде всего как республику — часть СССР. Полиэтническое население этой части страны не только лояльно власти, но и вполне восприняло социализм как общественное устройство и в известном смысле именно «советский» образ жизни.

У Шиллинга Дагестан — республика, в которой живут трудолюбивые люди, мастера, создающие «искусство, национальное по форме и социалистическое по содержанию».

Многонациональный Дагестан, — «страна гор» или «гора языков», по справедливости мог бы называться и «страной художников». Этих художников, однако, надо рассматривать с особой точки зрения. Они в известной мере профессионалы, но далеко не исключительно <...> признаки профессиональности или ее отсутствия у мастеров-художников не имеют строгого разграничения, зачастую сливаются. Другая специфическая черта — наши художники суть художники прикладного дела — серебряники, чеканщики, оружейники, камнерезы, гончары, ткачихи, вышивальщицы и т.п., изготавливающие большей частью предметы местного бытового обихода, поглощаемые в значительной степени местным горским рынком. Поскольку они обслуживают быт своей же негородской среды, со всеми ее вековыми традициями, мы можем назвать их мастерами подлинно народными. Основные струи творческих навыков мастеров исходят из глубин сокровищницы, сложившейся в результате столетий художественной культуры горцев Дагестана. Эта культура по высоте уровня значительно превосходит то, что в том же направлении наблюдается у других народов Северного Кавказа. Ее уровень скорее тяготеет к уровню высоких культур Закавказья <...> В Дагестане, сравнительно с соседней Грузией и Азербайджаном, сохранилось значительно меньше вещественных памятников прошлого, но зато гораздо целостнее это прошлое оказывается наличным в быту, в живых людях. <...>

Если в этом вопросе не побоятся словесного парадокса, то можно сказать: Грузия или Азербайджан — это музей памятников, а *Дагестан — музей людей, их создающих* (выделено мною. — З.М.)» [Шиллинг 1944а: 2–3].

Вновь подчеркнем: вряд ли в научных и экспедиционных замыслах Е.М. Шиллинга был социально-политический заказ. Но можно предполагать, что частью мотивации его исследований было желание показать восприятие традиционным обществом новых советских ценностей. От этого тезиса шла прямая и «идеологически верная», по тогдашним представлениям, нить к мысли о том, что утверждение черт советского образа жизни происходит даже в самых удаленных уголках Союза. Такие наблюдения Шиллинга подтверждались реальным эмпирическим материалом, и при этом все «социально-политические» аспекты этнокультурных перемен на Кавказе, вписанные им в контекст изучения традиционной культуры, вовсе не выглядят искусственными.

* * *

Сегодня очевидно главное. Научное наследие Е.М. Шиллинга стоит изучать, ибо оно не только не потеряло значения и по сей день, но является классическим в самом широком понимании (особенно для студентов и молодых ученых) примером академического и творческого поиска. Классическими

в методическом плане стоит назвать присущие работе Шиллинга исключительно бережное отношение к источникам и неустанное внимание к деталям, составляющим неповторимость того или иного комплекса объектов материальной культуры.

Ключевые подходы, методики Е. Шиллинга особенно востребованы сегодня — в условиях развития противоречивых и сложных этносоциальных процессов в Дагестане и на Северном Кавказе в целом. Эти сложности усугубляются активным действием новых факторов, таких как процесс исламского возрождения, столкновение традиционной культуры с западной (массовой) культурой, а также процессом архаизации отдельных сторон быта, динамики общества и влияния миграционных процессов.

При всех объективных трудностях организации экспедиций в такой проблемный регион, как Северный Кавказ, материалы дагестанских экспедиций кафедры этнологии исторического факультета МГУ могут быть использованы как основа в процессе привлечения студентов к исследованию этнокультурных процессов современности на Кавказе.

Еще одна важная особенность подхода Е.М. Шиллинга к исследованию материальной культуры, быта, обычаев — точность, даже скрупулезность в отношении источниковой базы и соотнесение степени ее репрезентативности с итоговыми выводами. Это означало особое внимание к местным (локальным) феноменам — отдельное селение, малый район, определенная этническая группа. «Я сторонник реальных и конкретных описаний», — говорил о себе Е.М. Шиллинг [Шиллинг 1949б].

Несомненным достоинством подхода Е.М. Шиллинга к исследованию Кавказа было рассмотрение объектов материальной культуры, обычаев в конкретно-историческом ключе, с особым вниманием ко всем деталям исследуемых объектов. Это означало, что существование этих объектов детально фиксировалось и только потом вписывалось в социокультурный контекст эпохи. Такой подход позволил исследователю сосредоточиться на историко-этнографическом срезе материальной культуры без конструирования грандиозных общих теорий.

Вместе с тем было бы ошибкой считать, что этнографические работы Е.М. Шиллинга (по материалам экспедиций 1944–1946 гг.) при всей их точности и репрезентативности были сугубо описательными. Для осмысления и анализа собранного обширного и многопланового фактического материала, конечно, требовалось время, которого, к сожалению, ему не хватило. Ю.Д. Анчабадзе пишет о том, что Е.М. Шиллинг планировал написание большого монографического труда «Проблемы этногенеза народов Северо-Восточного Кавказа (Дагестан и Северный Азербайджан)», а с известным специалистом по этнографии Поволжья В.Н. Белицер сделал заявку на написание совместной работы по культурно-историческим связям народов Кавказа и Поволжья [Анчабадзе 1993: 18]. Многие выводы аналитического характера Шиллинг не успел опубликовать, но те, которые имеются в его трудах, в чем-то даже опередили свое время. Так, Е.М. Шиллинг характеризовал культуру аваро-андо-цезского населения как комплекс, обладающий чрезвычайной множественностью и дробностью местных вариантов.

Аварцы различных районов — ущелий, долин, плоскогорий — отличаются друг от друга разновидностями одежды, жилищ, обрядов, обычаев, наречий и говоров. Подчас такие различия между отдельными собственно

аварскими группами бывают более значительными, нежели различия между какими-нибудь собственно аварским обществом и соседним иноязычным (например, тем же бежтинским или арчибским, как я сам это наблюдал) <...> Нечто подобное, по-видимому, наблюдалось в Элладе времен Гомера [Шиллинг 1945в: 7–8].

В этой связи он ставил такую проблему: «В чем заключаются основные причины этой особенности национальной культуры?» Ответ на этот вопрос, по мнению исследователя, будет неполным, если «мы ограничимся ссылкой лишь на природные условия (характер рельефа, суровость климата, изолированность и труднодоступность местностей). Такие факторы, конечно, играют большую роль (ее не следует недооценивать), но наряду с ними действуют и другие, едва ли не более значительные — факторы социально-экономического характера» [Шиллинг 1945в: 7–8]. Этот тезис оказался созвучным идеям и положениям, которые в иной форме (и значительно позднее) были высказаны в работе известного этнографа-кавказоведа М.А. Агларова [Агларов 1987].

Е.М. Шиллинг как ученый и личность — тема отдельного исследования, которое не стало бы лишним для истории российской этнологии. Написанные им тексты, не исключая и «сухих», по определению, отчетов об экспедициях, демонстрируют сочетание глубокого научного видения, литературного таланта и чувство сопричастности к живой народной культуре Дагестана. Это создает тот стиль изложения результатов научных изысканий, который придает работам Е.М. Шиллинга вполне современное звучание.

Евгений Михайлович был творческим интеллектуалом и без преувеличения видным деятелем науки своего времени. Работая на историческом факультете, он прочно связал свою судьбу с развитием этнологии в Московском университете. Эта главная «точка опоры» позволяла ему также успешно сотрудничать с другими ведущими центрами развития этнологического знания, прежде всего с Институтом этнографии АН СССР.

Источники

Личное дело Е.М. Шиллинга. Архив МГУ. Ф. о/к. Оп. 2. Ед. хр. 10266.

Шиллинг Е.М. (1944а) Мастера-художники нагорного Дагестана (по материалам поездки летом и осенью 1944 г.). РГАЛИ. Ф. 2075. Оп. 7. Д. 417.

Шиллинг Е.М. (1944б) Художественные произведения Дагестана. (Из материалов поездки осенью 1944 г.). М., 1944. ВМДПИНИ. Отдел редкой книги.

Шиллинг Е.М. (1945а) Из материалов по художественным производствам аварцев. (По данным поездки в Дагестан 1945 г.) // ВМДПИНИ. Отдел редкой книги.

Шиллинг Е.М. (1945б) Краткие отчетные сведения о работе 2-й Дагестанской экспедиции (1945 г.). Архив ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 3.

Шиллинг Е.М. (1945в) Этнография аварцев. (Краткий предварительный отчет о работе Дагестанской экспедиции 1945 года). Архив ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 3.

Шиллинг Е.М. (1949б) Рецензия на дипломную работу А.Г. Трофимовой. Архив кафедры этнологии исторического факультета МГУ.

Библиография

Агларов М.А. Этнокультурные процессы в условиях множественности политических структур в Дагестане (до XX века) // СЭ. 1987. № 4.

Акимова М.С., Булатова М.А. К антропологии аварцев // КСИЭ. 1947. Вып. 2.

Анчабадзе Ю.Д. Евгений Михайлович Шиллинг (1892–1953) // Шиллинг Е.М. Малые народы Дагестана. М., 1993.

Бобровников В.О., Дмитриев В.А., Карнов Ю.Ю. Деревянная утварь аваро-андо-цезских народов Дагестана: поставцы, сосуды, мерки // Культурное наследие народов Центральной Азии, Казахстана и Кавказа. СПб., 2006. (СМАЭ. Т. 52).

Верещагин Е.М. Потаенное христианство советских времен. 2 ч. <taday.ru/text/163403.html>. Дата обращения: 21.09 2012.

Гидатлинские адаты / Пер. М.Д. Саидова, Махачкала, 1957.

Гидатлинские адаты // Обычай и закон и в письменных памятниках Дагестана. V — начало XX в. / Отв. ред. и сост. В.О. Бобровников. М., 2009. Т. 1.

Ипполитова А.Б. История музея народов СССР в Москве // ЭО. 2001. №2.

Мовчан Г.Я. Предварительные заметки о типологии жилища народов Нагорного Дагестана // КСИЭ. 1948. Вып. 4.

Мовчан Г.Я. Старый аварский дом и его судьба. М., 2001.

Никольская З.А., Шиллинг Е.М. Женская народная одежда аварцев // КСИЭ. 1953. Вып. 18.

Никольская З.А. Евгений Михайлович Шиллинг (1892–1953) // СЭ. 1954. № 2.

Панек Л.Б. Работа южного отряда Дагестанской экспедиции // КСИЭ. 1948. Вып. 4.

Смирнова Л.И. Коллекционные и архивные материалы Е.М. Шиллинга и библиография его трудов // Памятники традиционно-бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. Л., 1989. (СМАЭ. Т. 43).

Шиллинг Е.М. Государственный Центральный музей народоведения // Этнография. 1926. № 1–2.

Шиллинг Е.М. Государственный Центральный музей народоведения в Москве в 1926 г. // Этнография. 1927. № 1.

Шиллинг Е.М. Дагестанская этнографическая экспедиция 1944 года // КСИЭ. 1946. Вып. 1.

Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура. М.; Л., 1949а. (Тр. Ин-та этнографии. Нов. серия. Т. 8).

Шиллинг Е.М. Литейное производство Дагестана (женские пояса с литыми свинцовыми бляшками) // СЭ. 1947. № 1.

Шиллинг Е.М. Малые народы Дагестана. М., 1993.